

Мартынов А. В. Разбор и опровержение догматических заблуждений пашковцев: (По поводу ст.: Пашковец) // Богословский вестник 1893. Т. 1. № 1. С. 68–84 (1-я пагин.). (Начало.)

Разборъ и опроверженіе догматическихъ заблужденій пашковцевъ ¹⁾.

*„Заблуждается, не зная Писаній, ни силы Божіей“
(Мв. 22, 29).*

„Какъ въ древности у мудрыхъ Евреевъ не позволялось молодымъ людямъ читать нѣкоторыя Священныя книги, потому что онѣ не принесли бы пользы душамъ еще не твердымъ и нѣжнымъ: такъ и у насъ надлежало бы постановить закономъ, чтобы не всякому и не всегда, а только въ извѣстное время и извѣстнымъ лицамъ дозволялось учить о Вѣрѣ, именно тѣмъ, которые не вовсе нерадивы и медлительны умомъ, и не слишкомъ иснасытими, честолюбивы и болѣе надлежащаго горячи въ дѣлѣ благочестія“ ²⁾. Этотъ совѣтъ вселенскаго учителя особенно благовременно припомнить въ настоящее время, когда у насъ является такъ много непризванныхъ и неспособныхъ учителей вѣры. Пашковщина, штундизмъ и пресловутая толстовщина—что иное представляютъ собою, какъ не заблужденія людей, медлительныхъ умомъ, честолюбивыхъ и не по разуму ревнующихъ о благочестіи? Съ какой, напр., самоувѣренностью объявляетъ себя учителемъ вѣры и ревнителемъ благочестія пашковецъ, полуграмотный тверской мужикъ Дмитрій! Съ какой дерзостью и самохвальствомъ износить онъ хулы на Церковь православную изъ пѣдръ своего сектантскагоedomыслия ³⁾!

¹⁾ По поводу статьи: „Пашковецъ“, помѣщенной въ „Богослов. Вѣстн.“ (Апрѣль, 1892 г.).

²⁾ Твор. св. Григорія Богосл., рус. перов., ч. 3, стр. 133; изд. 1899 г.

³⁾ „Богослов. Вѣстн.“, Апр., стр. 123—6.

Но не было бы, пожалуй, удивительно и было бы до вѣкоторой степени извинительно, если бы заблужденія нашихъ лжеучителей были результатомъ преткповеній ихъ собственнаго ума. Читать Св. Писаніе у насъ (не какъ у древнихъ евреевъ) не воспрещается никому, и имѣть недоумѣнія при этомъ, разумѣется, вполне естественно — особенно для людей, лишенныхъ основательнаго богословскаго образованія. Не таковы, однако, по своему характеру и происхожденію заблужденія нашихъ сектантовъ. Это — не простыя, пенипныя, у каждаго читателя Библии своеобразныя недоразумѣнія; это — злонамѣренныя, систематическія и притомъ — съ чужаго голоса повторяемая искаженія истины. Какъ ни чистосердечно и убѣдительно, по видимому, рассказываетъ пашковецъ Дмитрій о причинахъ своего отдѣленія отъ православной Церкви, какъ ни старается увѣрить, что свои религіозныя убѣжденія приобрѣлъ онъ путемъ самостоятельнаго изученія св. Писанія, безъ всякой сторонней помощи и руководства ¹⁾; однако едва ли найдется у кого столько наивности, чтобы повѣрить подобнымъ заявленіямъ. Догматическія положенія пашковца слишкомъ давно извѣстны въ исторіи нашихъ сектантскихъ движеній; хорошо знакомъ каждому православному богослову и источникъ, откуда они заимствованы. Это — вовсе не мужицкаго, да и вообще — не русскаго, ума дѣло. „Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего поваго подъ солнцемъ“ (Еккл. 1, 9): въ исторіи религіозныхъ заблужденій эти слова Премудраго имѣютъ одно изъ самыхъ ясныхъ подтвержденій.

Почти двѣсти лѣтъ тому назадъ объявился въ Москвѣ „ересеучитель именемъ Дмитрій Евдокимовъ, сынъ Творитиновъ, иже и Дерюшкинъ прежде парикаемъ бысть“. Въ молодыхъ годахъ, поступивъ въ ученики къ одному врачу иноврѣцу (лютеранипу), онъ вмѣстѣ съ медицинскою наукою усвоилъ и вѣроисповѣдныя воззрѣнія своего наставника. „Собравъ (затѣмъ) единомысленники чедовѣки, себѣ подобныя, въ вѣрѣ православной аки трость вѣтромъ колеблемая, въ священныхъ жо Писаніихъ или весьма неискусныя, или духомъ еретическимъ Писаніе разврацающія, начатъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 124—5.

учителемъ быти, ... учащъ по по званію своему, противу всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, иконъ святыхъ изверженія, въ Евхаристіи святѣйшей простохлѣбія, святыхъ непризыванія, животворящему Кресту Господню непоклоненія, мощей святыхъ непочитанія, за умершихъ немоленія, и прочіихъ злочестивыхъ догматовъ, древле соборами вселенскими проклятыхъ“¹⁾. Когда пропаганда Дмитрія Тверитинова припала значительные размѣры, и нѣкоторые изъ его послѣдователей (цирюльникъ Тома Ивановъ) позволили себѣ кощунственное издѣвательство надъ православною святыней, на нихъ обратило серьезно вниманіе правительство (Петра I) и, по разслѣдованіи дѣла, подвергло главныхъ виновниковъ достойному наказанію. Церковь съ своей стороны, предала упорныхъ сектантовъ соборному проклятію²⁾. Но помимо этого суда, самыя заблужденія отщепенцевъ были подвергнуты всестороннему разбору и опроверженію со стороны ученѣйшаго богослова того времени, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, Стефана Яворскаго († 1722), написавшаго по этому поводу обширное (въ 3 частяхъ) сочиненіе, подъ заглавіемъ „Камень Вѣры“, — „на исправленіе претыкающихся, и на возраженіе сопротивныхъ, на утвержденіе же стоящихъ въ благочестіи“³⁾.

Казалось бы, что неопровержимая убѣдительность⁴⁾, съ какою написано это полемическое сочиненіе преосв. Стефана, должна была навсегда преградить доступъ протестантскимъ заблужденіямъ къ православнымъ русскимъ людямъ. Но, видно, слишкомъ коротка наша историческая память, да и въ самомъ лжеученіи протестантскомъ, вѣроятно, есть что-нибудь привлекательное для слабости чело-

1) „Камень Вѣры“, ч. I, стр. 9—10. Москва, 1841 г.

2) Тамъ же, стр. 11.

3) „Камень Вѣры“, стр. 7.

4) Такъ выражаясь, мы разумѣемъ собственно отрицательно-полемическую сторону названнаго сочиненія, которая дѣйствительно отличается замѣчательною силою доводовъ библейскихъ и діалектическихъ. Но въ положительномъ изложеніи догматовъ „Камень Вѣры“ не свободенъ отъ многихъ католическихъ тенденцій, не согласныхъ съ ученіемъ православнымъ. При пользованіи сочиненіемъ Стефана Яворскаго это всегда нужно имѣть въ виду православному богослову.

вѣческой ¹⁾); во всякомъ случаѣ протестантизмъ еще много разъ сбивалъ съ толку русскіе умы, съ тѣхъ поръ какъ мы близко познакомились съ нимъ при Потрѣ.—Современныя намъ сектантскія движенія—пашковщина и штундизмъ—представляютъ прямыя порожденія этого именно корня. И устныя показанія пашковца Дмитрія о его религіозныхъ убѣжденіяхъ, и найденная у него рукопись, представляющая родъ сектантскаго катихизиса,—почти съ буквальною точностью повторяютъ тѣже самыя заблужденія, какія проповѣдывались протестапствующими сектантами временъ Стефана Яворскаго: тѣ же спеціально-протестантскіе догматы и съ тѣми же библейскими и отчасти—разсудочными ихъ обосновапіями. Нашимъ отщепенцамъ, въ родѣ Дмитрія, принадлежитъ здѣсь развѣ только упорство, съ какимъ отстаиваютъ они излюбленныя заблужденія, да еще нѣкоторыя явныя нечѣстности, отъ себя прибавленныя ими къ заимствованнымъ со стороны мыслямъ.—

I.

Исходнымъ и вмѣстѣ центральнымъ пунктомъ пашковскихъ заблужденій служитъ основной догматъ протестантизма—объ оправданіи и спасеніи людей благодатію Божіею по *одной только вѣрѣ* во Христа Спасителя, безъ всякихъ нравственныхъ усилій со стороны человѣка, выражающихся въ добрыхъ дѣлахъ. Пашковецъ Осдоръ, братъ Дмитрія, съ тономъ полной увѣренности и даже нѣкоторой гордости заявляетъ, что „теперь (т. е. со времени просвѣщенія Дмитріемъ) онъ вѣруетъ въ искупленіе крестною смертію Христа и въ Его воскресеніе, и если вѣрить въ это, то мы и спасены теперь благодатію чрезъ вѣру. Вѣра есть главное и необходимое условіе для спасенія, а подвиги и добрыя дѣла явятся уже черезъ вѣру. Христосъ принесъ искупительную жертву на крестъ за всѣхъ грѣшниковъ, и уже одной вѣры въ Него достаточно для спасенія“ ²⁾. Тоже

¹⁾ См. вѣрное замѣчаніе на этотъ счетъ г. Скворцова („Бог. Вѣст.“, апр., стр. 134).

²⁾ „Богосл. Вѣст.“, стр. 122.

исповѣдывалъ и самъ Дмитрій передъ представителемъ судебной власти. Онъ, якобы на основаніи самостоятельнаго изслѣдованія св. Писанія, „убѣдился... и увѣровалъ, что Иисусъ Христосъ спасъ его не по дѣламъ праведности, которыя бы онъ сотворилъ, а по Своей милости, которую доказалъ въ Своей любви, умеревъ на крестѣ, когда онъ, Дмитрій, былъ еще грѣшникомъ“¹⁾.

Напрасно мы стали бы искать дальнѣйшихъ, болѣе обстоятельныхъ разъясненій касательно приведенныхъ сейчасъ положеній,—напрасно стали бы спрашивать у нашихъ полуграмотныхъ сектантовъ о томъ, какое душевное состояніе и съ какой степенью напряженія разумѣютъ они подъ вѣрою спасающей, достижимо ли—и при какихъ условіяхъ—такое душевнастроеніе для подобныхъ имъ людей,—нужны ли добрыя дѣла и вообще какая-либо забота объ исполненіи нравственнаго закона, если добродѣтель—какъ оказывается—не имѣетъ рѣшительно никакого значенія для оправданія и спасенія человѣка. Въ сознаніи протестантовъ Дмитріевъ подобные вопросы, вѣроятно, и не возникаютъ. Они упорно твердятъ лишь о достаточности одной вѣры для спасенія, и затѣмъ слагаютъ съ себя исполненіе всякихъ такъ называемыхъ „обрядностей церковныхъ“, т. е.—какъ оказывается—такихъ церковныхъ установленій, которыя кромѣ догматическаго имѣютъ и глубочайшее нравственно-воспитательное значеніе. Но нѣтъ сомнѣнія, что и болѣе глубокомысленные сектанты не могутъ съ своей точки зрѣнія установить надлежащихъ отношеній между вѣрою и добрыми дѣлами и оправдать необходимость этихъ послѣднихъ. Правда, отщепенцы наши, какъ и руководители ихъ, протестанты, не отрицаютъ рѣшительно добрыхъ дѣлъ, но считают ихъ не самостоятельнымъ, на ряду съ вѣрою, подвигомъ со стороны человѣка, списывающимъ ему благоволеніе и милость Божію, а лишь естественнымъ обнаруженіемъ и необходимымъ слѣдствіемъ вѣры, не имѣющимъ въ себѣ никакой цѣны. Какъ огонь не былъ бы огнемъ, если бы не имѣлъ силы согрѣвательной; такъ и вѣра была бы мертвою и не была бы истинною, если бы не имѣла соотвѣтственнаго выраженія въ добрыхъ дѣлахъ. Эти послѣднія нужны,

¹⁾ Тамъ же стр. 125.

так. обр., только для вѣры, а не для спасенія, и суть плодъ вѣры, а не условіе достиженія живота вѣчнаго ¹⁾.— Но есть ли, спросимъ мы, въ вѣрѣ припудительная сила къ совершенію добрыхъ дѣлъ, есть ли въ ней достаточный мотивъ для добродѣтели? Вѣра, по ближайшему и основному о ней понятію, есть актъ теоретическаго (созерцательнаго) познанія: такъ понимается она въ Св. Писаніи (Іак. 2. 14. 19; 1 Коринѣ. 13, 2 и др.) и въ этомъ смыслѣ различается отъ любви, начала дѣятельности, посредствомъ котораго только и можетъ совершиться переходъ теоретическихъ убѣжденій въ практику. Допустимъ, однако, что вѣра, о которой говорятъ папи сектанты, включаетъ въ себѣ и элементъ любви, есть вѣра живая и дѣятельная: и въ этомъ случаѣ достаточнаго побужденія къ добродѣтели еще не дано, коль скоро отрицается всякое отношеніе добрыхъ дѣлъ къ спасенію. Если скажутъ, что такимъ побужденіемъ служить сама по себѣ чистая любовь къ Богу, — то во 1-хъ, такой мотивъ слишкомъ высокъ и идеаленъ, чтобы до него могли возвыситься и имъ могли руководиться слабые смертные, каково большинство христіанъ; а во 2-хъ, и онъ въ сущности предполагаетъ то, чего никакъ не желаютъ допустить защитники исключительности принципа спасающей вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, почему любовь къ Богу должна непременно и естественно, — какъ утверждаютъ наши противники, — вести къ добродѣтели? Вѣдь удобопреклонность природы человѣческой ко грѣху никогда не прекращается, а слѣдов. и совершеніе добрыхъ дѣлъ всегда требуетъ извѣстныхъ напряженій, усилій свободной воли, извѣстнаго подвига, (иначе добродѣтель перестала бы быть и добродѣтлью). Для чего же человѣкъ беретъ на себя этотъ не легкій подвигъ? Не потому ли, что въ требованіяхъ нравственнаго закона онъ видитъ волю Божию и исполненіемъ этой воли желаетъ *благоугодить* Богу, (по слову Спасителя: „если любите Меня, соблюдайте Мои заповѣди“, Іоан. 14, 15). А если такъ, то добрыя дѣла не могутъ уже не имѣть значенія и въ очахъ Божіихъ. Пусть они истекаютъ изъ чистой любви къ Богу (не изъ страха предъ наказаніемъ и не изъ надежды на награду): какъ дѣйствія совер-

1) „Камень Вѣры“, ч. III, стр. 303.

шенно свободныя, они во всякомъ случаѣ, сами по себѣ, заслуживаютъ такой или иной оцѣнки со стороны правды божественной; а какъ исполненіе воли Божіей, они снискиваютъ человѣку благоволеніе Божіе, приближаютъ его къ Богу, и слѣд. содѣйствуютъ его спасенію (въ широкомъ смыслѣ этого понятія). Необходимо, так. обр., принять что-нибудь одно изъ двухъ: или добрыя дѣла лишить всякой цѣны предъ Богомъ, обезразличить ихъ съ дѣлами злыми и черезъ то отнять всякія побужденія къ предпочтительному ихъ совершенію; или же—признать ихъ угодными и пріятными Богу и въ такомъ случаѣ—уже не отрицать ихъ отношенія къ спасенію человѣка.

Если за разрѣшеніемъ этой дилеммы обратимся мы къ Св. Писанію, то найдемъ, что спасеніе людей (со стороны субъективной) поставляется здѣсь въ зависимость сколько отъ вѣры, столько же и отъ дѣятельности человѣка, выражающейся въ практическомъ осуществленіи заповѣдей нравственнаго закона. Только совокупное дѣйствіе этихъ двухъ условій, при необходимомъ освященіи и содѣйствіи благодати Божіей, оправдываетъ насъ предъ Богомъ и дѣлаетъ участниками жизни вѣчной. Библейскихъ мѣстъ, подтверждающихъ этотъ православный догматъ, такъ много, что перечислить ихъ всѣ весьма затруднительно: это — ученіе цѣлаго Св. Писанія, отрицать которое можно только по недоразумѣнію или упорству. Приведемъ наиболѣе сильныя свидѣтельства, сюда относящіяся.

Самъ Спаситель, на вопросъ богатаго юноши о томъ, какое добро нужно сдѣлать ему, чтобы наследовать животъ вѣчный, отвѣчалъ: „если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди“ (Мѡ. 19, 16—17). Исполненіе заповѣдей нравственнаго закона, до полнаго самоотреченія и пожертвованія всякими эгоистическими привазапностями (ст. 21), поставлено здѣсь необходимымъ условіемъ достиженія царства небснаго. Ту же мысль, о необходимости добрыхъ дѣлъ для спасенія и именно — дѣлъ высокой, самоотверженной любви христіанской, въ отличіе отъ дѣлъ формальной іудейской законности, выразилъ Спаситель въ нагорной бесѣдѣ съ учениками Своими: „если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царство небснаго“ (Мѡ. 5, 20). „Если не обра-

титесь, и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное“, обращается Господь въ другомъ мѣстѣ (Мѣ. 18, 3) къ ученикамъ Своимъ, образно характеризуя чистоту душевнаго настроенія, изъ котораго должна исходить богоугодная и спасительная дѣятельность христіанина. Въ иныхъ случаяхъ Спаситель именуется блаженными (Іоан. 13, 17) и друзьями своими (15, 14) тѣхъ, кто исполняетъ заповѣди Его и между ними — главнѣйшую заповѣдь о любви (ср. Лук. 10, 25—28). Наконецъ, говоря о днѣ втораго Своего пришествія и страшномъ судѣ, Господь постоянно учитъ, что судъ этотъ и за нимъ—вѣчное воздаяніе—имѣютъ послѣдовать *по дѣламъ* cadaго (Мѣ. 16, 27; сн. 25, 34—46).

Тоже ученіе о значеніи добрыхъ дѣлъ, какъ необходимаго условія для достиженія жизни вѣчной, проповѣдывали и св. апостолы. Посланіе ап. Іакова даетъ наиболѣе рѣшительныя показанія на этотъ счетъ. „Блаженъ человекъ, который переноситъ искушеніе“, — говоритъ апостоль (1, 12), — „потому что, бывъ испытанъ, онъ получить вѣнецъ жизни, который обѣщаль Господь любящимъ Его“. „Будьте исполнители слова, а не слышатели только“, — назидаетъ тотъ же апостоль (1, 22), и далѣе: „кто вникнетъ въ законъ совершенный, законъ свободы, и пребудетъ въ немъ: тотъ, будучи не слушателемъ забывчивымъ, но исполнителемъ дѣла, блаженъ будетъ въ своемъ дѣйствованіи“ (ст. 25). „Что пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣеть вѣру, а дѣла не имѣеть? можетъ ли эта вѣра спасти его?“ (2, 14), — спрашиваетъ апостоль подобныхъ нашимъ сектантамъ христіанъ. мнѣвшихъ найти спасеніе въ одной вѣрѣ, и затѣмъ примѣромъ Авраама, отца вѣрующихъ, доказываетъ, что въ оправданіи и спасеніи человека на ряду съ вѣрою имѣютъ столь же существенное значеніе и добрыя дѣла. „Не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ нашъ, возложивъ на жертвенникъ Исаака, сына своего? Видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, и дѣлами вѣра достигла совершенства? И исполнилось слово Писанія: вѣровала Авраамъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность, и онъ нареченъ другомъ Божиимъ. Видите ли, что человекъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только?“ (2, 21—24). Трудно найти болѣе ясное и принудительное свидѣтельство въ пользу православнаго догмата и въ опро-

верженіе еоктантскаго лжеученія, чѣмъ какое дано въ совокупности приведенныхъ сейчасъ изреченій ап. Іакова. Недаромъ учителя нашихъ отцепенцевъ, протестанты, усиливается отрицать подлинность и каноническое достоинство апостольскаго посланія, столь рѣшительно ихъ поражающаго.

Но не найдутъ протестанты твердой опоры своему ученію и у апостола вѣры—Павла, на котораго по преимуществу любятъ они ссылаться. „Если имѣю... всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто“ (1 Кор. 13, 2), говоритъ этотъ апостоль, различая теоретическую вѣру отъ дѣятельной любви и полагая истинное совершенство христіанина только въ соединеніи той и другой. Богъ „воздастъ каждому по дѣламъ его: тѣмъ, которые постоянствомъ въ добромъ дѣлѣ ищутъ славы, чести и безсмертія, жизнь вѣчную; а тѣмъ, которые упорствуютъ и не покоряются истинѣ, но предаются неправдѣ, ярость и гнѣвъ. Скорбь и тѣснота всякой душѣ человѣка, дѣлающаго злое, вопервыхъ Іудея потомъ и Еллина. Напротивъ слава, и честь и миръ всякому, дѣлающему доброе“ и пр. (Римл. 2. 6—10). „Кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ избыткѣ вѣчную славу“ (2 Кор. 4, 17; см. 2 Фесс. 1, 15), замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ апостоль, побуждая христіанъ къ подвигамъ благочестія указаніемъ на будущее воздаяніе за нихъ на небесахъ. И это воздаяніе будетъ строго соразмѣрно нравственнымъ заслугамъ каждаго: „каждый получитъ награду по своему труду“ (1 Кор. 3, 8). „Тѣлесное упражненіе мало полезно; а благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей“ (1 Тим. 4, 8),—назидаетъ ап. Павелъ ученика своего Тимофея. „Терпѣніе нужно вамъ“, — внушаетъ апостоль Евреямъ (10, 36), — „чтобы, исполнивъ волю Божію, получить обѣщанное“ (т. е. царство небесное). „Если терпимъ, то съ Нимъ (Ис. Хр.) и царствовать будемъ“ (2 Тим. 2, 12). Самъ апостоль, въ чаяніи приближающагося конца своего земнаго поприща, исповѣдуть: „подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ; а теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь праведный Судія, въ день оный“ (2 Тим. 4, 7—8). Не вѣру только, но и добрый подвигъ выставляетъ здѣсь апостоль, какъ исполнен-

ный имъ долгъ, за который несомнѣнно ожидаетъ справедливой награды („вѣнца правды“) отъ Судии Праведнаго.

Эта мысль о воздаяніи на послѣднемъ судѣ за дѣла каждаго съ ясностью высказана, наконецъ, и въ Откровеніи Іоанна Богослова. „Се, гряду скоро, и возмездіе Мое со Мною, чтобы воздать каждому по дѣламъ его“ (Апок. 22, 12) и: „побѣждающему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ Моемъ, какъ и Я побѣдилъ, и сѣлъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его“ (Апок. 3, 21).

Всѣхъ, доселѣ приведенныхъ, свидѣтельствъ Св. Писанія совершенно достаточно ¹⁾ для уясненія истиннаго смысла библейскаго ученія объ оправданіи и спасеніи человѣка— съ той стороны (антропологической), съ которой искажается оно нашими сектантами. Не говоримъ пока о дѣйствіи божественной благодати, устрояющей спасеніе, и объ отношеніи ея къ свободной дѣятельности человѣка: для сужденія объ этой сторонѣ догмата нѣтъ еще данныхъ въ приведенныхъ нами библейскихъ текстахъ. Но то несомнѣнно, что благодать не можетъ дѣйствовать принудительно и спасать насъ безъ нашей воли и содѣйствія. Какъ вообще безъ свободныхъ усилій, безъ упражненія, безъ самодѣятельности въ той мѣрѣ, въ какой дарована она намъ Творцомъ, немислимо бытіе и развитіе разумно-свободныхъ существъ; такъ въ частности — и конечная цѣль бытія, спасеніе или соединеніе съ Богомъ для вѣчной жизни, достигается только при собственномъ свободномъ участіи самого человѣка. Это участіе въ усвоеніи пріобрѣтеннаго Христомъ и даруемаго благодатію спасенія обнаруживается со стороны человѣка въ двухъ актахъ, — вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ. Вѣра, какъ свободное подчиненіе нашего разума и всѣхъ силъ души богооткровеннымъ истинамъ, и вообще какъ полное преданіе себя водительство Христову, есть *первое* условіе спасенія. Она приближаетъ и внутренне сродняетъ человѣка съ Богомъ, открываетъ его душу для воспріятія божественныхъ воздѣйствій, служитъ основой и необходимымъ предположеніемъ богоугодной, истинно-нравственной дѣятельности

¹⁾ Болѣе подробный сводъ библейскихъ мѣстъ, относящихся къ разсматриваемому нами вопросу, можно найти въ „Кам. Вѣр.“, ч. III, стр. 308—11, 317—19 и др.

его. Но чтобы отношенія къ Богу, устанавливаемыя актомъ вѣры, могли прочно утвердиться; — чтобы благодать божественная, доступъ которой открываетъ вѣра, имѣла свои спасительныя дѣйствія въ человѣкѣ, — необходимо, чтобы человѣкъ не только воспринималъ божественное воздѣйствіе, но и самъ дѣятельно отвѣчалъ на него, выражалъ свое соотвѣтствіе и свою покорность призыву благодати во всей жизни и дѣятельности. Это *второе* условіе спасенія съ человѣческой стороны суть добрыя дѣла, какъ внѣшнее выраженіе истинно-спасительнаго душевнаго настроенія. Вѣра, хотя она есть актъ до извѣстной степени свободный и слѣд. вмѣняемый, не выражаетъ еще и не обнимаетъ всей свободной дѣятельности человѣка, какъ существа духовно-тѣлеснаго. Какъ органъ воспріятія божественнаго, или — въ болѣе широкомъ смыслѣ — какъ состояніе души, устремленной къ Богу, вѣра можетъ и должна, конечно, управлять дѣйствіями человѣка, но она не производитъ ихъ непосредственно, какъ дерево, напр. производитъ плодъ или огонь — тепло, (по утвержденію нашихъ противниковъ), но требуетъ для этого особливаго *напряженія воли*, какъ сказано въ притчѣ: „это тѣ, которые, услышавъ слово, хранятъ его въ добромъ и чистомъ сердцѣ, и приносятъ плодъ *въ третій*“ (Лук. 8, 15). Связь и взаимная обусловливаемость между теоретическою и практическою сторонами христіанской жизнедѣятельности, несомнѣнно, существуетъ и притомъ — самая тѣсная. Если вѣра, на которой покоятся теоретическія убѣжденія христіанина, побуждаетъ къ соотвѣтственной нравственной дѣятельности; то эта послѣдняя, въ свою очередь, обусловливаетъ собою совершенство, чистоту и твердость самой вѣры. „Умозрѣніе, — говоритъ св. Григорій Богословъ, — служитъ намъ спутникомъ къ горнему, а дѣятельность — восхожденіемъ къ умозрѣнію: ибо невозможно достигнуть мудрости, не живя мудро“ ¹⁾). Но при всемъ томъ, однакожь, добрыя дѣла не суть естественный и необходимый плодъ вѣры: эта послѣдняя, по ученію Св. Писанія, даже и при сильной степени своего напряженія можетъ не сопровождаться истинно-нравственной дѣятельностью (Мѡ. 7, 21—2; Іак. 2, 14; 1 Кор. 13, 2). Отно-

¹⁾ Твор. св. Григорія Богосл., ч. 1, стр. 135

ненія къ окружающему міру, къ людямъ, къ своей плоти и—вообще вся совокупность отношеній, изъ коихъ складывается жизнь и дѣятельность человѣка на землѣ, можетъ и должна, конечно, опредѣляться у христіанина вѣрою или—точнѣе—тѣми отношеніями къ Богу, какія устанавливаются вѣрою. Но вѣра имѣетъ здѣсь значеніе лишь высшаго руководственнаго принципа. Дѣйствительное же устройство жизни по духу вѣры, самое совершеніе богоугодныхъ дѣлъ всякій разъ зависитъ отъ рѣшеній воли человѣка, есть въ собственномъ смыслѣ его подвигъ. Это свободное согласованіе жизни и дѣятельности съ волею Божіей и есть то условіе, въ зависимость отъ котораго (на ряду съ вѣрою) поставляется достиженіе человѣческаго спасенія во всѣхъ библейскихъ свидѣтельствахъ, приведенныхъ нами выше. Царство небесное, жизнь вѣчную, какъ результатъ оправданія и спасенія, — по ученію Спасителя и апостоловъ, — могутъ наследовать только тѣ изъ вѣрующихъ, кто сами дѣятельно участвуютъ въ устройствѣ своего спасенія исполненіемъ заповѣдей нравственнаго закона. Потому-то и самое блаженство вѣчное представляется въ Писаніи, какъ „награда“ или воздаяніе за свободный нравственный подвигъ (Мѡ. 5. 12; 1 Кор. 3, 8 и 14; Апок. 11, 18; 22, 12 и др.), а не какъ только даръ божественной благодати, подаваемый туне, безъ всякаго отношенія къ нравственно-практической дѣятельности самого человѣка.

Съ точки зрѣнія данныхъ сейчасъ объясненій мы легко уже можемъ разрѣшить тѣ недоразумѣнія, которыя смущаютъ нашихъ сектантовъ и даютъ имъ мнимый поводъ отрицательно относиться къ православному догмату. Корень этихъ недоразумѣній—въ ложномъ представленіи касательно значенія добрыхъ дѣлъ. Сектанты наши навязываютъ православнымъ вовсе не принадлежащее имъ (католическое) воззрѣніе на добрыя дѣла, какъ на *заслугу* передъ Богомъ, въ силу чего оправданіе и спасеніе представляется внѣшнимъ юридическимъ актомъ, при которомъ человѣкъ получаетъ спасеніе за свои заслуги какъ должную *отплату*. Естественно, что такое ложное возвышеніе самодѣятельности человѣка унижаетъ достоинство искупительныхъ заслугъ Спасителя, уменьшаетъ значеніе божественной благодати и вообще стоитъ въ явномъ противорѣчій съ ученіемъ слова

Божія, по которому спасеніе есть даръ Божій, а отнюдь не слѣдствіе собственныхъ заслугъ человѣка. Направленнѣйшій противъ такого заблужденія протестъ нашихъ сектантовъ совершенно основателенъ и имѣетъ дѣйствительную опору въ св. Писаніи. „Имѣютъ ревность по Богѣ, но не по разсужденію“, говоритъ ап. Павелъ о неувѣровавшихъ во Христа ревнителяхъ Моисеева закона, „ибо не разумѣя праведности Божіей, и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божіей“ (Римл. 10, 2—3). Такъ и всякая человѣческая праведность, не основанная на вѣрѣ въ Искупителя, не освященная Его благодатію и изъ нея не истекающая, есть ревность не по разуму. Она не только не спасаетъ, но и препятствуетъ спасенію, ибо не приближаетъ къ Богу, а удаляетъ отъ Него, утверждаясь въ своей независимости и создавая лишь формальныя отношенія къ Богу. И въ ветхомъ завѣтѣ — пророки ¹⁾ и въ новомъ — Самъ Спаситель и преимущественно — ап. Павелъ неоднократно и сильно порицаютъ такую гордо-фарисейскую праведность. Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, подобныхъ самонадѣянныхъ праведниковъ, ап. Павелъ настойчиво утверждаетъ принципъ спасающей вѣры, противопоставляя истинную праведность отъ вѣры ложной праведности отъ дѣла закона и разумѣя подъ этими послѣдними дѣла, совершаемыя внѣ царства благодати, — въ язычествѣ или іудействѣ (Гал. 2, 16; Римл. 3, 28 и др.).

Впрочемъ, не только добродѣтели естественныя, которымъ въ большей или меньшей степени присущъ эгоистическій характеръ, но и добрыя дѣла христіанъ, совершаемыя при свѣтѣ вѣры и при содѣйствіи божественной благодати, не могутъ считаться заслугою, за которую слѣдовало бы спасеніе, какъ долгъ. Ибо то, что отличаетъ добродѣтель христіанскую отъ естественной и что дѣлаетъ ее богоугодною и спасительною, принадлежитъ не самому человѣку, а Богу. „Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если

¹⁾ Цитаты изъ Исаіи (59, 6 и 64, 6), приведенныя въ напиковской рукописи („Бог. Вѣст.“, стр. 128), не имѣютъ сюда отношенія и вообще приведены совсѣмъ не ктати. (См. подробныя разъясненія по поводу этихъ цитатъ въ „Камн. Вѣст.“, III, 407—8).

не будетъ на лозѣ; такъ и вы, если не будете во Мнѣ“, — сказала Спаситель: „Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Іоан. 15, 4—5). И ап. Павелъ свидѣтельствовалъ о себѣ: „благодатію Божіею есмь то, что есмь; и благодать Его во мнѣ не была тщетна, но я болѣе всѣхъ ихъ (другихъ апостоловъ) потрудился: не я впрочемъ, а благодать Божія, которая со мною“ (1 Кор. 15. 10; см. Филип. 2, 13). А если такъ, если только въ тѣснѣйшемъ единеніи со Христомъ и лишь при помощи благодати Божіей христіанинъ можетъ творить истинно-добрыя дѣла, то эти послѣднія, очевидно, теряютъ уже значеніе личныхъ заслугъ человѣка предъ Богомъ, и совершеніе спасенія является во всякомъ случаѣ даромъ милости Божіей. „Благодатію вы спасены чрезъ вѣру“ — говоритъ въ этомъ смыслѣ ап. Павелъ, — „и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣла, чтобы никто не хвалился“ (Еф. 2, 8—9).

Но отрицая (вмѣстѣ съ нашими противниками) ложный взглядъ на добрыя дѣла, какъ на заслугу, въ награду за которую Богъ дастъ человѣку вѣчное спасеніе, — мы въ то же время (вопреки заблужденію нашихъ отщепенцевъ), со всею рѣшительностью утверждаемъ значеніе добрыхъ дѣлъ, какъ *необходимаго условія спасенія*. Если оправданіе и спасеніе человѣка не есть результатъ его собственныхъ подвиговъ и заслугъ, а даръ божественной благодати, то все-таки подвиги и нравственные заслуги необходимы со стороны человѣка для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ этого дара. „Богъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись“ (1 Тим. 2, 4), и потому всѣмъ готовъ ниспослать свою благодать. Но чтобы усвоить себѣ этотъ спасительный даръ Божій и дѣйствительно спастись, человѣкъ долженъ самъ уготовить себя къ тому, привести свой внутренній міръ въ согласіе съ божественнымъ. Безъ нашего желанія и содѣйствія Богъ не спасаетъ насъ; и благодать Божія является только въ тѣхъ, кто сами себя устрояютъ въ достойное жилище ей. А это достигается нравственнымъ самоусовершенствованіемъ, согласованіемъ своей воли съ волею божественною, т. е. исполненіемъ заповѣдей Божіихъ. „Кто имѣетъ заповѣди Мои, и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ

Меня... и Отець Мой возлюбить его, и Мы придемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ“ (Іоан. 14, 21—23). Здѣсь, въ этомъ возвышеніи до способности къ воспріятію и усвоенію божественнаго воздѣйствія, и заключается величайшее значеніе свободной нравственной дѣятельности человѣка. Если сами по себѣ добрыя дѣла недостаточны для оправданія и спасенія, то они необходимы для полученія божественной благодати, при помощи которой человѣкъ оправдывается и спасается. Если спасеніе есть даръ Божій, то добрыя дѣла дѣлають человѣка достойнымъ усвоить этотъ даръ, и потому—если человѣкъ спасается не *за* дѣла, то во всякомъ случаѣ — *при посредствѣ* дѣлъ. Такъ, на ряду съ вѣрою, дѣла представляютъ необходимое условіе спасенія съ человѣческой стороны. Вѣра *открываетъ доступъ* божественной благодати въ нашу душу; добродѣтель (какъ выраженіе нравственной чистоты и согласованія жизни съ волею Божіей) *усваиваетъ* воспринятую вѣрою благодать, т. е. создаетъ для нея условія, при которыхъ она не остается тщетною (I Кор. 15, 10), по дѣйствительно и спасительною для человѣка; наконецъ, благодать Божія *совершаетъ* спасеніе, т. е. восполняя и возвышая вѣру и добродѣтель человѣка, дѣйствительно дѣлаетъ человѣка оправданнымъ предъ Богомъ. Вотъ, — если можно такъ выразиться, — три фактора, при необходимомъ взаимодействіи которыхъ совершается дѣло спасенія каждаго отдѣльнаго человѣка: тамъ, гдѣ недостаетъ одного изъ этихъ факторовъ, бездѣйствуютъ и остальные и—нѣтъ спасенія. Потому-то въ св. Писаніи спасеніе людей поставляется въ зависимость то отъ того, то отъ другаго изъ этихъ условій порознь, то отъ всѣхъ въ совокупности, смотря по тому, какой моментъ въ сложномъ актѣ спасенія требовалось выставить на видъ вопреки одностороннимъ воззрѣніямъ той или другой группы христіанъ. Противъ іудео-христіанъ, не свободныхъ отъ фарисейской гордости своею праведностью отъ дѣлъ, нужно было съ особою настойчивостью утверждать принципъ спасающей вѣры и благодати, — какъ это и дѣлаетъ ап. Павелъ во многихъ мѣстахъ своихъ посланій. Противъ христіанъ изъ язычниковъ, которые склонны были понять христіанскую свободу отъ дѣлъ обрядоваго ветхаго закона въ смыслѣ полного нравственнаго беззакон-

нія, требовалось утвердить значеніе добрыхъ дѣлъ для спасенія,—какъ это и находимъ мы, напр., у ап. Іакова. Но настаивая, по требованію обстоятельствъ, на одномъ условіи спасенія, священные писатели не отрицаютъ, а предполагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость другихъ, что и выражаютъ со всею ясностью въ иныхъ мѣстахъ своихъ посланій. Только въ такомъ правильномъ синтезѣ и находятъ разрѣшеніе тѣ мнимыя противорѣчія, о которыхъ претыкаются односторонніе истолкователи апостольскаго ученія.

Смыслъ библейскаго и вмѣстѣ—православно-церковнаго ученія объ условіяхъ оправданія и спасенія человѣка, надѣмся, уяснился для насъ теперь достаточно и заблужденіе нашихъ сектантовъ, отрицающихъ всякое спасительное значеніе добрыхъ дѣлъ, обнаружено вполне. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что это заблужденіе имѣетъ свое основаніе въ ложномъ воззрѣніи на самую сущность оправданія. Учители пашковцевъ, протестанты, какъ извѣстно, „подъ именемъ оправданія или освященія человѣка благодатію разумѣютъ одно прощеніе человѣку грѣховъ, хотя на самомъ дѣлѣ они въ немъ остаются, и одно вѣщное вѣщеніе ему праведности Христовой, хотя на самомъ дѣлѣ онъ не дѣлается праведнымъ“¹⁾. Понятно, что при такомъ пониманіи оправданія, какъ вѣшняго только, юридическаго акта, въ которомъ происходитъ лишь прощеніе вины (грѣха), а не изглаженіе ея, одной вѣры достаточно со стороны человѣка, чтобы преклонить къ себѣ всепрощающее милосердіе Божіе. Добрыя дѣла тутъ—не при чемъ: заслужить благодати у Бога они все равно не могутъ, а получить оправданіе ту же одинаково возможно и удобно какъ грѣшнику, такъ и добродѣтельному. Совсѣмъ иначе понимаетъ сущность оправданія наша православная Церковь. По ея ученію, это —не просто забвеніе или прощеніе Богомъ чловѣческихъ грѣховъ и не снятіе только вины за нихъ, но дѣйствительное изглаженіе ихъ, очищеніе и обновеніе всего духовнаго существа человѣка, „совлеченіе ветхаго человѣка съ дѣлами его“ и „облеченіе въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины“

¹⁾ Прав.-Догмат. Богосл., Преев. Макарія, т. 4, стр. 66 (изд. 1852).

(Кол. 3, 9—10; Еф. 4, 22—24). Здѣсь добрыя дѣла, очевидно, составляютъ уже такое необходимое условіе, безъ котораго нѣтъ и самаго оправданія: дѣйствительно оправданнымъ можетъ быть только человѣкъ праведный, добродѣтельный, очистившійся отъ всякой грѣховной скверны. Тотъ же, въ комъ остаются въ силѣ грѣховныя навыки и самыя грѣхи, хотя бы и прощенные, тѣмъ самымъ удаляетъ отъ себя спасительную благодать и не можетъ находиться въ единеніи съ Богомъ, что необходимо предполагается самымъ понятіемъ оправданія: „ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? что общаго у свѣта со тьмою?“ (2 Кор. 6, 14—15).

(Продолженіе будетъ).

А. Мартыновъ.
